

«О МОДНЫХ ПОЗАХ И ТРАФАРЕТАХ»

Стихи г. Игоря-Северянина и г-жи Марии Папер

Вопросы стихосложения и ритмики, обсуждавшиеся за последние годы во всех литературных кружках Москвы и Петербурга, и образцы разрешения различных трудных версификационных задач, данные за истекшее десятилетие Бальмонтом, Брюсовым, В. Ивановым и пр., вульгаризировали тайны стихосложения до такой степени, что теперь всякий может писать формально хорошие стихи, всякий, у кого есть склонность к этому роду умственных упражнений, может разрешать те или иные очередные головоломки с рифмами и строфами. Это скорее хорошо, чем плохо. Средний уровень стихов очень повысился. Приятные стороны этого явления таковы: стихи теперь пишут лишь те, которые более или менее интересуются техникой стиха, общее повышение формального уровня позволяет совсем не считаться со стихами безграмотными, наконец, общедоступность стихотворной грамоты позволяет не обращать слишком много внимания на преодоление трудностей чисто формальных и строго разделять стихотворца от поэта. Поэтому глубоко необходимо, чтобы изучение законов и условий ритмики продолжалось и постоянно популяризировалось. Надо, чтобы любой телеграфист или парикмахер могли писать в приступах влюбленности стихи, формально не хуже бальмонтовских и брюсовских. Только тогда мы избавимся от неизбежного путанья стихотворцев с поэтами, только тогда трафареты чувств, образов и идей будут достаточно выяснены.

Минувшее десятилетие подновило и трафареты стихотворного содержания. Когда, в восьмидесятых и девяностых годах, многочисленные безвестные поэты той эпохи писали стихи, они употребляли трафареты настолько истертые и

захватанные, что никаких черт их происхождения на них не оставалось. Семь десятилетий, прошедших после пушкинской эпохи, настолько их утомили, что под ними уже ничего не осталось. Теперешние же трафареты только что создаются, и каждый носит еще на себе фабричное клеймо своего происхождения. Эти трафареты еще способны возмущать вкус и даже компрометировать тех поэтов, у которых произведено заимствование. Когда, например, Мария Папер говорит: «Родной сестрой мне стала рысь»,¹ то становится немного неловко за В. Брюсова, а когда в стихотворении, посвященном Бальмонту, она же восклицает: «Нежный поэт упоительно пьян»,² то становится мучительно стыдно за Бальмонта. Бальмонт больше всех виноват в Марии Папер. Конечно, читая Бальмонта, она сознала, что она — «растоптанная лилия, оскверненный Божий храм»,³ что в ней «кипит, бурлит волна горячей крови семитической... Я вся горю, я вся полна заветной тайны эстетической»;⁴ над Бальмонтом она сознала свои желания: «О, жажду нежного, слегка нескромного я взгляда рдяного... Красавца гибкого, красавца томного, восторга пьяного»;⁵ или: «Щемящие ласки, неожиданность паденья... его отуманенный винами взгляд, и дерзостно смелый порыв Наслажденья, и с плеч моих спавший кисейный наряд». ⁶ Мария Папер способна подыматься до больших высот безвкусицы (например: «Я одной струей желанного вечный мрамор орошу»,⁷ «Близ тебя я проснусь и созрею, близ тебя я, как роза, нальюсь»⁸) и беззастенчивости (например: «Темен был его плащ и постель не узка... В извиваньях своих он был твой и ничей... В кружевах, кисеях утопала кровать... О, когда бы ты могла ничего не скрывать!»⁹). Особенность Марии Папер в том, что она любит запутывать массу известных лиц в свои интимные переживания, она любит «посвящать» и каждому умест сказать что-нибудь неприятное. С. Городецкого она называет своим «стройным мальчиком», «с легкой синью глаз лилейных»¹⁰ (какая гадость!), В. Ропшину (очевидно, автору романа «Конь блед») спешит сообщить, что она с ним заодно,¹¹ Сергею Ауслендеру значительно напоминает о «девяственно-пышном страсти махровом цветке»,¹² Осипу Ды-

мову покровительственно говорит: «Мы с тобою, дитя, прощались навеки, но не навсегда».¹³ Своею фамильярностью она не щадит и умерших. Авроре Дюдewan она говорит, что они – сестры,¹⁴ госпоже Сталь рассказывает, как она, Мария Папер, родилась в «медовую греховную ночь»,¹⁵ Байрона она называет своим другом и «кровным братом»¹⁶ (Байрон – семит?). Кроме лиц вышеупомянутых, в книге Марии Папер еще скомпрометированы: Федор Сологуб, Мирра Лохвицкая, Сергеев-Ценский, А. Блок, С. Рафалович, Оскар Уайльд и Пшибышевский.¹⁷

Перелистывая стихи, присланные для отзыва в редакцию «Утра России», я не могу отвязаться от одной мысли: как хорошо было бы, если бы Мария Папер встретила с Игорем-Северяниным. Это – поэт вполне в ее вкусе. Вот его стихи:

Гитана! Сбрось бравурное сомбреро,
Налей в фиал восторженный кларет...
Мы будем пить за знойность кабалеро,
Пуская дым душистый сигарет...
...Галоп мандол достигнет аллегротто,
Заворожен желаньем пируэта,
Зашелестят в истоме вздохи пальм...
Вина! вина! Обрызгай им, гитана,
Букет мыслей... Тогда не надо тальм, –
Тогда помпезный культ нагого стана.¹⁸

Игорь-Северянин творит из своей личности поэму «вечно-мужественного», вполне соответствующую тому идеалу «вечно-женственного», что из себя создала Мария Папер. Он не меньше скомпрометировал свою книгою женщин, чем Мария Папер мужчин. На обложке его книги напечатан «отклик» (в прозе) поэтессы Изабеллы Гриневской: «От всей души благодарна поэту Игорю-Северянину... Горячо желаю его звучным и задушевным стихам широкого распространения».¹⁹ Он посвящает свою книгу «Памяти почившей королевы поэзии Мирры Лохвицкой – страстно скорбящий автор, благоговейно склоненный».²⁰

Нет! Если только существует какая-нибудь целесообразность в природе – Игорь-Северянин и Мария Папер должны

полюбить друг друга, они созданы друг для друга и взаимно будут друг друга нейтрализовать.

В тех поэтических трафаретах, которыми они пользуются оба, явно влияние Бальмонта. Бальмонт в некоторых своих уклонах дал слова и речь, приготовил русло этому голосу внутренней духовной пошлости, и вот плоды его неосмотрительности.